

УДК 327.3 (5-191.2)

О ПОТЕНЦИАЛЕ ЭВОЛЮЦИИ ШОС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СЦЕНАРИИ

И.В. Халанский

Предложен теоретический анализ вариантов развития ШОС в Центральной Азии с учетом современной геополитической обстановки.

Ключевые слова: Центральная Азия; ШОС; Россия; КНР; сценарии; варианты.

ABOUT THE POTENTIAL OF THE SCO EVOLUTION IN CENTRAL ASIA: SCENARIOS

I. V. Khalanskey

It is devoted to the theoretical analysis of development options SCO in Central Asia on the basis of the current geopolitical situation.

Key words: Central Asia; the SCO; Russia; China; scenarios; options.

Сегодня можно привести огромное количество примеров использования сценарного подхода в политической науке за рубежом, в том числе применительно к России и ЦА [1]. Одними из первых сценарные методики стали активно применяться в США для выработки внешнеполитических стратегий. Лидером в этой области стала известная американская корпорация РЭНД [2], использующая данный подход и в настоящее время.

Создание сценариев необходимо для дальнейшего развития как государства, так и любой крупной организации, поскольку даже теоретическое видение будущего того или иного феномена превращает его в цель развития, заставляя определять стратегию движения и направлять политику в нужное русло. Сценарный подход создаёт набор вариантов развития, каждый из которых является не прямой и буквальной экстраполяцией возможных тенденций, а набором их предельных выражений, своего рода “чистых” идеальных образов.

Относительно сценариев развития ШОС можно отметить, что сегодня организация обладает потенциалом эволюции в нескольких направлениях. Один из самых распространенных образов будущего видения ШОС заключается в организации региональной безопасности, занимающейся в основном вопросами поддержания мира и укрепления доверия в регионе, а также борьбой с тремя “силами зла”. Во-вторых, ШОС может быть преобра-

зована в организацию экономического сотрудничества, содействуя созданию благоприятных условий для торговли и инвестиций. В-третьих, ШОС может превратиться в формальную, не оказывающую особого влияние на политические процессы организацию, выступая в роли некоего “регионального арбитра” либо “регионального форума”, где обсуждались бы возникающие многосторонние проблемы [3]. В-четвертых, ШОС имеет все шансы стать универсальной организацией, которая не акцентировала бы свою деятельность на решении только одной задачи, а занималась бы и решала широкий спектр проблем. Следовательно, для оценки реальных возможностей ШОС необходимо проанализировать сценарии каждой из упомянутых линий развития с учетом возможных точек соприкосновения, перспектив и рисков для стран-участниц.

ШОС как организация региональной безопасности. В этом сценарии ШОС акцентирует свое внимание на решении конкретных проблем безопасности региона, связанных с выработкой и реализацией мероприятий по совместному противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму, незаконному обороту наркотиков и оружия, другим видам транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграции. В данном направлении организация дополнительно может координировать усилия по вопросам разоружения, контроля над вооружениями, а также обмениваться

информацией, связанной с вопросами безопасности. Для реализации этого сценария страны-участницы должны понимать и осознавать общность, стоящих перед ними проблем безопасности, и, естественно, они не должны оппонировать друг другу в военном отношении. В принципе, если говорить о лидерах ШОС (Россия и Китай), то «войны ... выглядят в нынешней ситуации совершенно невероятными, в том числе из-за сохраняющегося фактора ядерного паритета» [4]. Страны ЦА при всех возможных конфликтах (соперничество за лидерство Узбекистана и Казахстана или водно-энергетические проблемы, затрагивающие все стороны) едва ли способны к серьезному противостоянию. С другой стороны, угрозы в сфере безопасности одинаковы и актуальны для всех стран-участниц, что создает значительный потенциал для сотрудничества.

Риски этого сценария заключаются в том, что все вопросы в ШОС пока «диктуются» логикой взаимоотношений России и КНР. В случае возникновения противоречий между ведущими державами, появляется угроза деструкции или раскола организации. Следующий риск связан с тем, что организация безопасности рано или поздно может начать тяготеть к форме военно-политического блока, противопоставляющего себя другому [5]. На наш взгляд, позитивным фактором, закладывающим основу для сотрудничества, является декларированная ненаправленность ШОС против других государств и международных организаций, что снижает возможность ее превращения в блоковую структуру.

В общем, *перспективы ШОС как организации региональной безопасности являются сравнительно благоприятными* и в целом учитывающими интересы всех стран-участниц.

ШОС как модель экономического сотрудничества. Организация может выступить инициатором и гарантом международных проектов в конкретных областях. На самом деле здесь можно говорить о широком поле для сотрудничества. Во-первых, все страны-участницы заинтересованы в создании благоприятных условий для торговли и инвестиций. Во-вторых, необходимым и давно назревшим вопросом, особенно для центрально-азиатских стран, является развитие инфраструктуры в области транспорта и коммуникаций, совершенствование транзитного потенциала в целом. В-третьих, многосторонние усилия можно направить на развитие энергетических систем.

В любом случае переориентация ШОС на экономические вопросы важна для будущего развития организации, учитывая, что только на основе общего экономического интереса столь различные в политическом отношении страны способны создать

постоянно и эффективно действующий механизм сотрудничества. Трудности, стоящие на пути реализации этого сценария, связаны с преобладанием двусторонних экономических проектов над многосторонними, а также с декларативным характером многих экономических инициатив, которые так и остались на бумаге. Медленный запуск механизмов реального сотрудничества отчасти можно объяснить сложностью процесса принятия решений в международной организации, где у каждого – собственные интересы, на согласование которых требуется большой период времени. Риски при условии реализации этого сценария состоят в том, что при условии создания зоны свободной торговли существует опасность обрушения собственных менее эффективных рынков и производств в некоторых странах-участницах ШОС.

Итак, *развитие ШОС как организации экономического сотрудничества представляется позитивным и более того необходимым, ШОС может сыграть важную роль в осуществлении ключевых экономических проектов в регионе.*

ШОС – региональный форум для обсуждения многосторонних проблем. Этот сценарий, безусловно, является наиболее пессимистическим с точки зрения реальных возможностей и направлений развития ШОС. Однако как показывает практика центральноазиатской интеграции, в частности неудавшиеся попытки создания Союза центральноазиатских государств и им подобные, несмотря на все преимущества ШОС, необходимо серьезно отнестись к этому сценарию. В этом случае ШОС представляется как поле для широкой повестки дня, как координирующая и консультативная структура по тем или иным вопросам, не имеющая реальных рычагов власти, служащая для стабилизации внутренних режимов стран-членов. Реализация этого сценария в силу его характеристики представляется весьма возможной, другое дело – что это не принесет никакой выгоды ни Китаю, ни России, ни странам ЦА.

Становление ШОС в качестве реальной универсальной структуры, – на наш взгляд, наиболее желательный сценарий развития. Выбирая между экономикой и безопасностью, не все страны предпочтут один и тот же аспект. Отношения могут зайти в тупик вследствие неоднородности их членов, исторически сложившихся отношений. Мы придерживаемся мнения, что в условиях современности решение проблем безопасности тесно связано с социально-экономическим развитием государства, что говорит о нецелесообразности выделения одного приоритетного направления для ШОС [6].

Если упомянуть о заявленных в рамках ШОС трех «силах зла», то источником терроризма, экс-

тремизма и сепаратизма, а также сопутствующих им новых, так называемых нетрадиционных, угроз является неудовлетворенность некоторых слоев населения уровнем своей жизни. Этот фактор создает базу для массовой поддержки незаконных и запрещенных методов деятельности. На практике без учета и совместного содействия экономическому взаимодействию невозможно оказывать влияние на внутривнутриполитические и социальные процессы в странах-членах ШОС. Учитывая, что действительной универсальности ШОС по выполнению тех широких задач и целей, которые написаны в ее основополагающих документах, не наблюдается, данный сценарий, к сожалению, наименее вероятно реализуется в среднесрочной перспективе.

Таким образом, несмотря на неоднозначность всех вышеперечисленных сценариев, необходимо отметить, что ШОС уже сейчас является наиболее эффективной региональной организацией на постсоветском пространстве и выглядит наиболее перспективной; по эффективности с ней, на наш взгляд, может равняться лишь ОДКБ. Несмотря на то, что пока ШОС развивается по сценарию “организации региональной безопасности” (в качестве причины такого развития эксперты указывают на очевидную разноректорность во внешней политике стран-участников), организация продолжает двигаться в направлении экономического и военно-политического сотрудничества. В случае укрепления данной перспективы в регионе может быть выработана стабильная совместная внешнеполитическая концепция, способная привести к созданию реальной универсальной организации, не ограничивающейся решением вопросов лишь безопасности и экономического развития, но и взаимодействуя в ряде других сферах общественной жизни. Для геополитики региона это может означать совместное отражение таких угроз, как терроризм и экстремизм, прямую и более четкую конфронтацию интересов США и стран ШОС в таких сферах, как борьба за природные ресурсы, а также, политическое и культурное влияние. Более того, ШОС имеет перспективы развития не только в масштабах региона, но и в мировом масштабе. Это будет возможно в случае получения статуса постоянных членов Монголией, Индией, Пакистаном, Ираном и Афганистаном, которые сейчас имеют статус наблюдателей. Такая мегаорганизация (половина населения мира и 25 % всей суши) сможет обладать достаточно большим потенциалом.

По сути, сценарный подход исходит из неопределенности будущего, недостаточности прямой экстраполяции современной ситуации, существования альтернатив в развитии, возможности оказывать влияние на выбор того или иного ва-

рианта будущего. Его ценность не в пророчестве “единственного” будущего, с точки зрения той или иной избранной стратегии, а в очерчивании широкого спектра “предельных” альтернатив, которые противостоят поставленной цели. Эти альтернативы почти наверняка не могут и не будут реализованы в том “предельном” виде, в каком описаны в сценариях. Однако они фокусируют внимание на множественности реально существующих и так или иначе проявляющих себя трендов. Поэтому хорошо проработанные сценарии – это не абстрактно-умозрительные и произвольно построенные “фантазии о будущем”, а обоснованные коридоры возможностей для стратегий, осуществляемых политическими лидерами [7].

При построении сценариев развития региональной политики России и Китая в ЦА, необходимо учитывать некоторые немаловажные особенности региона. К ним относятся, во-первых, влияние на ЦА внешней среды. Многие эксперты подчеркивают, что внешнеполитическая повестка нередко если не определяла, то существенно влияла на внутренние приоритеты развития региона. В силу дезинтеграции региона и слома экономической системы, страны нуждаются в использовании аутсорсинга, т. е. внешних ресурсов. Это определяется тем, что большинство центральноазиатских стран – это страны с ограниченным внутренним рынком и ресурсной базой, недостаточной для поддержания атрибутов государственности, например, адекватных вооруженных сил и суверенитета. Локальные сообщества становятся уязвимыми перед внешними вызовами, нередко превращаясь в арену противостояния крупных держав.

Также необходимо отметить слабость и нечеткую структурированность политической системы в центральноазиатских государствах. Политический режим с тенденцией к авторитаризму, неотлаженность работы трех ветвей власти, отсутствие сильной и популярной идеологии, превалирование клановых отношений в обществе только усугубляют общую обстановку в регионе.

Сложность анализа заключается в том, что страны ЦА еще не выработали общей позиции и долгосрочной региональной стратегии. Непредсказуемость внешней политики Узбекистана, закрытость Туркменистана, неопределенность внешнеполитических акцентов в Кыргызстане и Таджикистане – следствие противоречивой ситуации в регионе.

Наиболее желательным для стран-участниц ШОС является сценарий “взаимовыгодного партнерства”, т. е. сбалансированного лавирования России и Китая в ЦА. Концептуально этот сценарий является воплощением игры с ненулевой сум-

мой, когда каждая заинтересованная сторона имеет возможность извлечь максимальную пользу [8]. Основу партнерства здесь закладывает общая заинтересованность в борьбе с “тремья силами зла” – терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также общая заинтересованность в ограничении американского влияния в регионе.

При этом партнерстве важную роль играют взаимоотношения в треугольнике США – РФ – КНР, где Пекин на самом деле заинтересован в сохранении высокого уровня противоречий между Москвой и Вашингтоном. В такой ситуации Россия воспринимается как главный критик США, а, значит, и принимает всю силу ответного удара. Например, Китай больше, чем Россия был заинтересован в свертывании американской военной базы в Кыргызстане, однако открыто об этом не заявлял и никаких действий не предпринимал. Как описано в одной из китайских стратагем, “сидя на горе, наблюдать за борьбой тигров”, Китаю было выгодно руками России закрыть военную базу вблизи своих границ, исходя из того, что Россия традиционно позиционирует себя в роли главного партнера и гаранта безопасности в ЦА.

Учитывая весьма непрочную и относительно недолговечную основу сотрудничества, можно констатировать, что этот сценарий наименее вероятный в среднесрочной перспективе. Это объясняется тем, что в рамках концепций с ненулевой суммой самой труднодостижимой задачей является поиск точки положительного эквilibriumа, т. е. оптимального соотношения между всеми участниками региональных политических процессов.

Наименее желателен для ЦА сценарий “острой конкуренции” двух держав, который теоретически замыкается на игре с нулевой суммой, предполагающей победу одного из участников политического процесса над другими. В рамках Центральноазиатского региона это означает упрочение и усиление влияния одной державы за счет устранения или ослабления другой.

Нестабильная и напряженная ситуация в мире способствует ослаблению роли международного права и международных организаций. Соответственно возрастает вероятность возникновения витка новой гонки вооружений и распространения оружия массового поражения. Китай становится настолько мощным государством, что уже в состоянии самостоятельно без помощи России модернизировать и увеличивать свои вооруженные силы и оборонную систему.

В данном случае наиболее вероятным является экономическое отставание России от Китая и постепенное признание за Китаем главенствующей роли в регионе. Уже в настоящее время можно

отметить тенденцию соперничества Китая и России в области транспортных коридоров и энергетических рынков региона. Китай проводит активную и наступательную экономическую политику, превращающую регион в объект сотрудничества в области внешней торговли и один из источников импорта энергии. Прямо противоположные интересы России заключаются в желании удержать экономику стран региона в русле российской экономической системы, что объективно связано с общим прошлым и связями в составе СССР. Но, опираясь на прошлое, России вряд ли удастся сохранить конкурентоспособность с мощной экономикой Китая, которая планомерно увеличивает товарооборот со странами ЦА.

Общезвестно, что в настоящее время приграничное с Китаем население Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана испытывает на себе экономическую зависимость от китайского рынка, тесно интегрируясь в него. В скором времени можно будет говорить о ряде приграничных регионов, для которых Китай станет ядром экономического притяжения и активности [9]. Аналогичным образом идет активная экономическая экспансия Китая и в приграничные российские регионы – Сибирь и Приморье [10].

В данной ситуации очевидными становятся значительные потери со стороны российской экономики и политике, и, как следствие, России придется постепенно признать главенствующую роль Китая и смириться со статусом “младшего партнера”. Этого сценария развития опасаются многие эксперты, прогнозируя опасность этнического и культурного растворения. Такие детерминанты, как территория, население, идеология, в центральноазиатских государствах несравнимы с мощными ресурсами Китая, история которого, так или иначе, связана с давлением и ассимиляцией. В данном случае долгосрочная интеграция будет иметь тенденцию к экспансии, т. е. желанию охватить как можно более широкие сферы общественной жизни [11].

Таким образом, в настоящее время отношения КНР и России на геополитическом пространстве Центральной Азии носят двойственный характер. С одной стороны, оба государства нацелены на сотрудничество, используя различные сферы для распространения своего влияния, ввиду присутствия в регионе третьего игрока – США, которые проявляют явно гегемонистские устремления. С другой стороны, экономическое усиление Китая в ЦА не может не затрагивать региональных интересов России. Доминирование в военной сфере на фоне социально-экономического кризиса, переживаемого странами региона, не может стать единственной основой долгосрочного присутствия РФ в регионе.

Вместе с тем для России достаточно трудно конкурировать с Китаем в сфере экономики. Тактика КНР по экономической привязке региона на основе двустороннего сотрудничества выглядит более привлекательной, нежели предлагаемые Россией экономические интеграционные проекты, сопряженные с обязательствами и гарантиями стран-участниц в свете отсутствия у Москвы такого финансового резерва, как у КНР. Ввиду этого в целом перспективы развития китайско-российских отношений в регионе ЦА в русле сотрудничества зависят от того пространства для маневра, которое еще сохраняется между ними и которое позволяет им находить компромиссные решения и точки пересечения интересов, не препятствующие достижению ими своих геостратегических целей [12].

Литература

1. Россия: ближайшее десятилетие / под ред. Э. Качинса, Д. Тренина. М., 2004. С. 55.
2. Интернет-ресурс: <http://www.rand.org>
3. Головин М.Ю. Взаимодействие стран СНГ с азиатскими интеграционными группировками / М.Ю. Головин, А.М. Либман; Центр проблем интеграции Ин-та экономики РАН. М., 2006. С. 39.
4. Бордачев Т.В. Будущее Азии и политика России / Т.В. Бордачев // Россия в глобальной политике. 2006. № 2. С. 19.
5. Бутаков Я. Шанхайский проект: Станет ли ШОС евразийским антиНАТО? / Я. Бутаков // URL: www.posit.kg.
6. Мураталиева З.Т. Региональная политика России и Китая в Центральной Азии и ШОС как фактор взаимодействия: дис.... канд. полит. наук / З.Т. Мураталиева. Бишкек, 2010. С. 146–147.
7. Мельвиль А.Ю. Россия 2020: альтернативные сценарии и общественные предпочтения / А.Ю. Мельвиль, И.Н. Тимофеев // Полис. 2008. № 4. С. 66–85.
8. Мангейм Дж.Б., Рич. Р.К. Политология. Методы исследования / Дж.Б. Мангейм, Р.К. Рич; пер. с англ., предисл. А.К. Соколова. М., 1997. С. 467.
9. Асанбаев М. Политика Китая и России в Центральной Азии в рамках деятельности Шанхайской организации сотрудничества / М. Асанбаев. 16.09.2008 // URL: <http://www.kisi.kz/site.html?id=4699>
10. Lintner B. The Chinese are coming... to Russia / B. Lintner // Asia Times. 2006. May 27.
11. Dougherty J.E. Contending Theories of International Relations: A Comprehensive Survey / J.E. Dougherty, L. Robert, Jr. Pfaltzgraff. N.-Y., 1990. P. 433.
12. Халанский И.В. Центральная Азия в контексте региональных интеграционных трендов / И.В. Халанский; LAP LAMBERT Academic Publishing (Deutschland). Saarbrücken, 2014. С. 377.